

Научное мнение. 2025. № 7–8. С. 19–24.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 7–8. P. 19–24.

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_7-8_19

ФЕНОМЕН СОВЕСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОСУДНОЙ ТРАДИЦИИ

Анатолий Николаевич Яшин

Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Россия

Yashin58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0374-705X>

Аннотация. В статье рассматривается многовековая дилемма: какими преимущественно категориями, понятиями и смыслами должен руководствоваться субъект правоприменения, в частности судья при осуществлении правосудия. На первый взгляд, ответ очевиден — законом. Но так ли все однозначно в этой констатации ответа? Осознавая глубину и сложность проблемы, законодатель относительно недавно вводит в юридический оборот, в статью 17 российского Уголовно-процессуального кодекса, нравственную категорию «совесть», подчеркивая тем самым ее значимость и необходимость при оценке доказательств, а в конечном итоге, для определения виновности или невиновности человека в его деянии. Автор статьи в историко-философском контексте излагает собственную позицию по проблеме взаимоотношения закона и совести в традиции отечественного правосудия, основываясь при этом на философско-правовых воззрениях, как российских мыслителей, так и западных классиков философии, делая определенный вывод о необходимости нравственно-правовой связки, паритетных начал закона и совести в оценке юридического факта (действия), установления виновности-невиновности лица, назначения наказания или освобождения от такового.

Ключевые слова: государство, закон, суд, правосудие, традиция, совесть, правда, страдание, покаяние, милосердие, прощение

Original article

THE PHENOMENON OF CONSCIENCE IN THE DOMESTIC JUDICIAL TRADITION

Anatoly N. Yashin

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia

Yashin58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0374-705X>

Abstract. This article examines a centuries-old dilemma: what categories, concepts and meanings should be primarily used by a subject of law enforcement, in particular, a judge, when administering justice. At first glance, the answer is obvious – the law. But is everything so clear in this statement of the answer? Realising the depth and complexity of the problem, the legislator relatively recently introduced into legal circulation, in Article 17 of the Russian Criminal Procedure Code, the moral category of “conscience”, thereby emphasising its importance and necessity in assessing evidence, and ultimately, in determining the guilt or innocence of a person in his act. In a historical and philosophical context, the author of the article sets out his own position on the problem of the relationship between law and con-

science in the tradition of domestic justice, based on the philosophical and legal views of both Russian thinkers and Western classics of philosophy, making a certain conclusion about the need for a moral and legal link, the parity of the principles of law and conscience in assessing a legal fact (act), establishing the guilt or innocence of a person, imposing a punishment or exemption from it.

Keywords: state, law, court, justice, tradition, conscience, truth, suffering, repentance, mercy, forgiveness

Философы разных эпох и цивилизаций пытались ответить на вопрос о соотношении совести и закона. Античные мыслители полагали, что требования закона должны соответствовать требованиям совести. Например, в соответствии со взглядами Платона, законодатель для управления должен применять два метода, а именно: убеждение и силу [1, с. 315]. Мыслитель критикует тех, кто использует только второй метод. Закон, по его мнению, должен иметь не только силовую, но и моральную санкцию. Аристотель также пытался совместить правовые и моральные категории. Справедливость как основу права он рассматривал через призму сочувствия, которое является моральным чувством: справедливый человек — это, прежде всего, человек сочувственного суждения, который при следовании законным предписаниям должен учитывать конкретные обстоятельства, принимая решение [2, с. 101]. Цицерон предпочитал неписанные законы, возникшие раньше любого писаного законодательства, так как «наши юристы часто разделяют правовую доктрину, которая, по сути, проста, на бесконечное множество технических различий» [3, с. 148]. Он неоднократно упоминает в своих работах мысль о неразрывной связи понятия «справедливость» с римскими законами [3, с. 149].

До эпохи Нового времени всех мыслителей объединяет понимание морали как основы права. Совесть они считали естественным источником правовых норм. Новое время принесло с собой идею раздельного существования права и совести, их независимости друг от друга. Христианская традиция поддерживала идею о божественном происхождении морали. Естественным следствием такой позиции была претензия морали на руководящее положение по отношению к праву.

Но одна из характерных особенностей периода Возрождения и Нового времени заключалась в постепенной секуляризации жизни человека. Руководящую роль в обосновании права стала играть государственная воля.

Возрождение и Новое время — это период становления наций, для оформления которых требовались национальные законодательства, построенные не только на моральных принципах, сколько на государственных интересах. Н. Макиавелли утверждал, что политики вынуждены делать зло ради благих целей [4, с. 156]. По мнению Т. Гоббса, закон основывается на силе, а его толкователями могут быть только те, кого назначает власть [5, с. 238].

В представлениях о соотношении права и совести возобладал взгляд, который позже был назван правовым позитивизмом. Такой взгляд освобождает законодателя от необходимости оглядываться на моральные нормы при принятии нормативных актов. У законодателя остается единственный руководящий принцип — понимание им рациональной целесообразности принимаемых актов. Но совесть не является рациональным явлением. Она действует не по стандартам логики, но интуитивно. Для позитивистского мышления явления, не поддающиеся однозначной верификации, неприемлемы. Поэтому позитивистски настроенные философы стали пропагандировать свободу рационально обоснованного права от ненадежных моральных суждений, прежде всего от совести.

В результате действия этих двух взаимосвязанных факторов — развития секуляризации и популяризации позитивизма, сложилась современная ситуация соотношения права и совести. Ее главная характеристика — сепаратное существование этих сфер духов-

ной жизни человека. В XX в. такое положение дел казалось вполне нормальным. Внешняя сторона жизни человека, его отношения в обществе регулировались обязательными для всех, одинаковыми и рационально обоснованными нормами поведения, выраженными в праве. Его внутренняя жизнь регулировалась индивидуальными представлениями, которые зависели от культурных и личных особенностей, от воспитания. Эти представления значительно проигрывают правовым нормам: они не могут быть унифицированы, имеют бесписьменный характер, воспринимаются человеком интуитивно и поэтому являются ненадежными и подозрительными, следовательно, могут распространяться исключительно на личную сферу жизни человека.

Сейчас, в XXI в., начинает приходить понимание того, что такое положение не является нормальным. Во-первых, в настоящее время растет популярность идеи о том, что человека нельзя рассматривать как исключительно рациональное существо. Человек отличается от компьютера именно тем, что он испытывает эмоции, переживает различные чувства, верит. Его нельзя втиснуть в узкие рамки рациональности. В том числе совесть часто помогает ему принять правильное решение в сложной ситуации. Это означает, что наличие совести должно учитываться во взаимоотношениях с человеком.

Во-вторых, право без моральной санкции лишается своего авторитета. Оно превращается во внешнюю силу, которой человек должен подчиняться только потому, что это сила. Но такое право уподобляется законам природы, действующим также без моральной санкции. Если одно животное съело другое животное, то это действие нельзя оценивать с моральной точки зрения, так как это простое проявление природных законов жизни этих животных. Но это невозможно сказать в отношении ситуации, при которой один человек съел другого. Притом, что один из этих людей удовлетворил свою природную потребность — утолил голод, его поступок не только получает осуждение со стороны общественного закона, но также и со стороны моральных представлений тех людей, которые о нем узнали.

Одна из главных характеристик человека заключается в том, что он является оценивающим существом. Человек всегда оценивает то, с чем он имеет дело. Он делает это двумя способами: формально — с точки зрения права и содержательно — с точки зрения своей совести. Если в ходе этой оценки форма (право) не будет соответствовать содержанию (совесть), то в человеке возникает духовный разлад.

Когда человек сравнивает право и совесть, то наблюдаются две интересные особенности:

1) при таком сравнении критериями оценки являются требования совести, а право — объектом оценки, но не наоборот;

2) победа всегда будет принадлежать совести, но не праву.

Эти особенности вызваны тем, что совесть представляет собой внутреннюю уверенность человека в том, что есть добро и зло (по выражению И. Канта, «внутренний суд в человеке») [6, с. 189], а право — это лишь внешняя декларация об этом других людей. Поэтому, хотя того правовые позитивисты или нет, человек всегда делал оценку права с помощью своей совести и будет ее делать в будущем. Надо признать данную ситуацию как проявление нормального человеческого качества и учитывать ее в решении проблем тех людей, которые применяют право на практике.

Плодотворный опыт размышления над рассматриваемой нами проблемой содержится в русской философии конца XIX — начала XX в. Он может быть очень полезным для понимания современного состояния проблемы. В это время в России сформировалась научная школа юридического позитивизма. Ее представители, например, Николай Коркунов и Габриель Шершеневич, считали ненужным подвергать право моральной оценке. Они отождествляли право и закон, а его единственный источник видели в воле государства.

Результатом появления такого взгляда стала ожесточенная полемика между позитивистами и представителями русской религиозной философии. Многие русские философы этого периода критически относились к фор-

мальностям позитивного права, а проблему гражданского общества связывали с этнической и религиозной особенностью, культурой отечественного духа. К концу XIX в. критика государства и права стала обычным явлением. Иногда она принимала крайние формы. В частности, с нравственной критикой государства и права, провозглашая антиправовой морализм, выступал великий русский писатель Лев Толстой.

Представители русской философской мысли II пол. XIX — нач. XX в., приняв многие идеи западноевропейской философии, осмыслившие природу совести, наполнили эту аксиологическую проблему новым смыслом и содержанием. Данные новации обусловливались особенностью русского, преимущественно религиозно-философского, обостренно «совестливого» сознания относительно восприятия и оценки действительности

Так, например, для А. С. Хомякова закон, созданный государством, это всего лишь «внешний» закон, а сущностным, истинным является «внутренний» закон — совесть. Он отмечает, что именно внутренний закон (совесть) более нетерпим к преступлению, нежели внешний [7, с. 240]. С Хомяковым солидарен в этом вопросе Н. О. Лосский, утверждавший, что истинное наказание для преступника — это угрызения совести [8, с. 179], а И. А. Ильин находил в совести главный источник справедливости [9, с. 181].

Но ярче всего размышления о соотношении права и совести представлены в философском творчестве двух русских мыслителей — Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева. Так, в творчестве Ф. М. Достоевского рассматривается феномен совести в соотношении с правом, исследуются муки совести и покаяние преступника-грешника на глубине, ранее недоступной для философско-правовой мысли. Не принимая этику чистого разума, писатель утверждает, что законы разума не способны в должной мере влиять на социальное поведение человека, исходя из их императивных государственных предписаний. Самый справедливый суд, по Достоевскому, это суд собственной совести преступника — нравственная ответ-

ственность за преступление-грех [10, с. 43]. И страдание непременно должно быть — только через страдание происходит истинное очищение, покаяние, правосудие, вне зависимости от постановления светского суда: «Страдать хочу и страданием очищусь! Ведь, может быть, и очищусь, господа, а?» — спрашивал Дмитрий Карамазов [11, с. 456].

Проблема совести, вины и стыда была глубоко разработана в творчестве В. С. Соловьева, утверждавшего, что человек должен жить, повинуясь чувству долга и по совести. Будучи «определенным минимумом нравственности», право, по Соловьеву, должно соотноситься с моральными установками, а по сему, утверждает мыслитель, любое преступление — это не столько игнорирование формальных предписаний правовой нормы, сколько нарушение нравственной правды, прежде всего в отношении личности преступника. При этом совесть является тем одухотворенным законом, который позволяет субъекту быть законопослушным без внешнего формального предписания, иными словами, закон есть рациональное внешнее принуждение, а совесть — внутренне-иррациональное побуждение, не требующее внешнего регулятора [12, с. 216].

В пореформенной России II пол. XIX в. правоприменение доказывало верность утверждений мыслителей о необходимости симбиоза закона и совести. Так, выдающийся русский юрист А. Ф. Кони в иерархии ценностей правосудия называл совесть, а его научная работа «Нравственные начала в уголовном процессе» по-прежнему актуальна и востребована судебским сообществом. В частности, он пишет, что «вывод о виновности является результатом сложной внутренней работы судьи, не стесненного в определении силы доказательства ничем, кроме указаний разума и голоса совести» [13, с. 38]. А в другой своей книге «Отцы и дети судебной реформы» он также решающее значение придает совести в правосудии: «Ни в одной деятельности не приходится так часто тревожить свою совесть, то призывая ее в судьи, то требуя от нее указаний, то отыскивая в ней одной поддержки» [14, с. 341].

Примером того, как совесть служит основой законного и справедливого решения, можно назвать процесс с участием корифея русской адвокатуры Ф. Н. Плевако. Он защищал в судебном процессе священника, совершившего уголовное преступление небольшой тяжести, но покаявшегося. Завершая свою защитительную речь, адвокат обратился к присяжным заседателям со следующими словами: «Господа присяжные заседатели! Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал вам на исповеди грехи ваши. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы его грехи» [15, с. 354]. Присяжные вынесли вердикт — оправдать, продемонстрировав тем самым свое решение «по совести». И вряд ли кто упрекнет их в несправедливости и противозаконности.

Словосочетание «правосудие по совести» вполне допустимо в юридическом обороте, но при условии, что итоговым судебным постановлением не нарушаются закон и принципы судопроизводства. Это прежде всего. Но важно учитывать еще — имело ли место покаяние преступника, чтобы у судьи, присяжных заседателей были моральные основания проявить милосердие, прощение; чтобы они увидели перед собой не просто преступника, подсудимого, а оступившегося человека, согрешившую личность, способную на духовное очищение. Здесь совесть поможет преступнику осознать свой грех, а судьям определить наказание или освободить от такового.

Подводя итог рассмотрению проблемы соотношения права и совести, можно констатировать, что по этой проблеме накоплен большой теоретический и практический опыт ее решения. Но, несмотря на это, до окончательного решения проблемы очень далеко. Совесть пытались определить многие мыслители. Но надо констатировать, что до сих пор так и не появилось общепринятой, в том числе юридической, дефиниции этого понятия. Вероятно, это пока невыполнимая задача.

Причина этого, на наш взгляд, нерациональный характер самого понятия, которое не может быть до конца верифицировано. Даже в рациональных определениях совести отражаются интуитивные характеристики.

Полагаем, что под совестью следует понимать внутренний нравственный закон, установленный личностью для принятия решений без внешнего побуждения и императива, на основе собственного понимания добра и зла, правды и неправды, справедливости и несправедливости. Из этого определения вытекает возможность относительно справедливого правосудия, поскольку вершит его не безгрешный человек, по своей нравственной установке понимающий смысл и значение совести. Из этого следует, что рассматриваемую нами проблему каждый человек должен решать самостоятельно.

Никто не может сформулировать универсальные рецепты по «правильному» использованию совести в практике применения права. Он может опереться при этом только на опыт размышления и дела других людей, но какой опыт, каких людей и в какой мере он это сделает, каждый решает самостоятельно.

Это трудная задача: человек должен совместить рациональное право и иррациональную совесть. Современный человек привык пользоваться высокотехнологическим оборудованием, доверять машине в принятии многих решений вместо себя. Поэтому при выборе между правом и совестью он чаще всего выбирает право, укладывающееся в машинный алгоритм. Но он должен помнить, что, мысля механистически, он будет принимать механистические решения и совершать механистические действия. Человеческая сущность богаче. Она не ограничивается использованием выработанных алгоритмов. Используя опыт русской философии, которая рассматривает право как минимум нравственности, необходимо руководствоваться не только правовыми нормами, но также слушать голос совести.

Список источников

1. Платон. Законы / общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова и др. М.: Мысль, 1999. 830 с.

2. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур и Ф. Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. М.: Академический проект, 2016. 253 с.
4. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Попури, 2013. 672 с.
5. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
6. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. 478 с.
7. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 1. 589 с.
8. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
9. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
10. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. 326 с.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 507 с.
12. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. М.: Харвест, 1999. 912 с.
13. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. М.: Юр. лит-ра, 1967. 537 с.
14. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М.: Русская мысль, 1914. 349 с.
15. Плевако Ф. Н. Речи: в 2 т. / под ред. Н. К. Муравьева. М.: Издание М. А. Плевако, 1909. Т. 2. 451 с.

Статья поступила в редакцию 06.07.2025; одобрена после рецензирования 15.08.2025; принята к публикации 21.08.2025.

The article was submitted 06.07.2025; approved after reviewing 15.08.2025; accepted for publication 21.08.2025.

Информация об авторе:

А. Н. Яшин — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции.

Information about the Author:

A. N. Yashin — Doctor of Sciences (Philosophy), associate professor, head of the Department of Jurisprudence.